

После короткого разговора генерал Чжан ушёл. Многие практики тут же бросились к нему, пытаясь завязать беседу. Было очевидно, что эти горделивые, привыкшие смотреть на всех свысока люди искренне преклонялись перед своим командиром.

Их уважение и преданность основывались не только на неоспоримой личной силе генерала. Он обладал редким даром вести за собой: безупречно руководил боем, максимально раскрывал потенциал каждого воина, чутко следил за меняющейся обстановкой на поле битвы и отдавал единственно верные приказы.

Цзян Сяочжоу смотрел ему вслед, и в груди его шевелилось странное чувство. Осанка генерала казалась неуловимо знакомой.

Покачав головой, он решил отложить эти сомнения на потом и направился на южную окраину лагеря, как и советовал генерал. Ещё издали он ощутил густые волны духовной энергии. Проведя больше полугода за непрерывной плавкой пилюль в Долине Бренного Мира, Сяочжоу научился безошибочно распознавать то, как ци циркулирует в алхимических котлах.

Место, где варили снадобья, оказалось на удивление людным. Здесь теснились не только сами алхимики, но и множество раненых в бою воинов. Воздух пропитался едкой гарью и ароматами различных трав. В ряд выстроились несколько десятков котлов, за каждым из которых стоял мастер, а мальчишки-слуги расторопно подносили им ингредиенты.

Выглядело это зрелище необычно. Алхимики по природе своей нелюдимы и скрытны. Кто-то, подобно Смыслу Бренного Мира, вовсе запирается в четырёх стенах и годами не кажет носа наружу. Те, что попроще, сбиваются в кучи под крылом крупных сект вроде Башни Пяти Стихий и Семи Звёзд, но и там каждый держится сам по себе.

К тому же в Поднебесной алхимиков всегда не хватало. Казалось бы, их пилюли дают колоссальное преимущество в бою, а в критический момент могут спасти жизнь, но почему-то к ним никогда не относились с тем же почтением, что к оружейникам.

Обыватели судили просто: раз алхимик слаб в открытом бою, значит, в жестоком мире, где правит культ силы, его можно безнаказанно притеснять. А если такой слабак умудрялся сварить редкое снадобье, он и вовсе становился лакомой добычей — ходячей мишенью, несущей в руках сокровище.

И всё же здесь, под началом генерала Чжана, их собралось несколько десятков!

Вопросы в голове Сяочжоу множились с пугающей быстротой. Он постоял в сторонке, внимательно наблюдая за работой мастеров и пытаясь определить, какие именно пилюли они варят. Кое-какие рецепты были ему знакомы, о других он даже не слышал. Но даже в тех случаях, когда Сяочжоу узнавал состав, сами приёмы плавки заметно отличались от того, чему его учили.

Один из алхимиков, заметив его, ткнул в его сторону пальцем:

— Эй, ты! А ну подойти.

Сяочжоу неторопливо поплёлся к нему. Он едва переставлял ноги, его одежда насквозь пропиталась кровью — и чужой, и монстров, — хотя сам он этого даже не замечал. В руке он всё ещё сжимал простой железный меч. После яростной сечи пальцы так затекли, что намертво онемели, и выпустить рукоять никак не получалось. Приходилось так и волочить клинок по земле.

В глазах окружающих он выглядел обычным перепуганным новобранцем, который ещё не оправился от ужасов первой битвы.

Алхимик протянул ему круглую пилюлю и скороговоркой бросил:

— На, прими.

Сяочжоу принял лекарство.

— Что это?

— Пилюля восстановления духа, — ответил мастер.

Он был невероятно занят: едва договорив, тут же принялся засыпать в котел новые травы, ловко и привычно управляя пламенем. Своей суетливой сосредоточенностью он напоминал Сяочжоу замотанных врачей в переполненной городской больнице или поварих на раздаче в столовой в самый пик обеденного перерыва.

— Парень, это снадобье как раз для того, чтобы нервы твои растрёпанные в кучу собрать, — подал голос сидевший неподалёку однорукий культиватор. — Вы, первогодки, все после первого боя такими становитесь. Со временем привыкнешь.

Сяочжоу повертел пилюлю в пальцах и тихо спросил:

— Думаете, эта война затянется надолго?

Вопрос прозвучал странно. Однорукий удивлённо покосился на него:

— Да кто ж его знает, малец. Эти твари из Мира Демонов так просто не отступятся.

Сяочжоу примостился рядом с ним прямо на землю.

— Лицо у тебя незнакомое, — заметил собеседник, явно не прочь поболтать. Потеря руки, казалось, ничуть не убавила его жизнелюбия, и он всю жестикулировал уцелевшей конечностью, делаясь мыслями. — Из новоприбывших?

— Да, — коротко кивнул Сяочжоу, стараясь не сболтнуть лишнего.

— Значит, тебя сюда зашвырнули, даже толком ничего не объяснив? — протянул воин.

Слово «зашвырнули» заставило Сяочжоу насторожиться. Неужели этих практиков отправляли сюда насильно из каких-то других краёв?

— Триста лет уже воюем, — вздохнул однорукий. — Некоторые ещё на стадии Слияния сюда попали, да так до самой смерти и не смогли совершить прорыв. Я ведь когда-то пришёл в Секту Вечных Бедствий просто ради сытой и спокойной жизни. Кто ж знал, что придётся мечом махать на настоящей войне? Когда спросили, пойду ли я добровольцем... ха! Разве им откажешь? Пнули под зад — и вот я здесь. Обещали, что кормить будут досыта, а на деле даже восьми баоцзы за обедом не допросишься. Но деваться некуда, остаётся только надеяться, что эта бойня поскорее закончится, и я смогу вернуться в Секту Вечных Бедствий, чтобы мирно доживать свой век в кресле какого-нибудь почтенного старейшины.

«Секта Вечных Бедствий...» — Сяочжоу едва заметно нахмурился. Он никогда прежде не слышал об этой фракции. Между тем его собеседник обладал силой на пике стадии Золотого Ядра. В небольших орденах такой мастер легко мог бы занять место главы, а здесь он мечтал лишь о скромной должности старейшины. Значит, эта Секта Вечных Бедствий была весьма могущественной и известной организацией.

— Не повезло же нам нарваться на Чуйтянь Юнь, — продолжал изливать душу культиватор. — Это ведь тварь уровня Короля Демонов! Выйди против неё хоть сотня таких, как я — все бы костями легли. Если бы не генерал Чжан, который вовремя прикрыл нас, я бы сейчас с тобой не разговаривал. Ты не думай, что я просто так языком чешу. На поле боя даже самого сильного практика может свалить случайная стрела. Так что надо говорить, пока живой. Помрёшь — уже не поболтаешь!

«А ведь он прав», — подумал Сяочжоу.

— Эх, будь я алхимиком, сидел бы сейчас глубоко в тылу и в ус не дул. Ладно, когда-нибудь мы ведь вышвырнем этих демонов обратно за грань?

Собеседник походил на обычного офисного клерка, который на работе только и думает, как бы поскорее смыться домой или отлынить от обязанностей. Они поговорили ещё немного, пока однорукого не окликнул один из алхимиков. Перед уходом они представились друг другу. Словоохотливого воина звали Цинь Усинь, и он действительно оказался искусным мечником на пике Золотого Ядра.

Сяочжоу ещё долго бродил среди алхимиков и лишь глубокой ночью вернулся в свой шатёр. Чуждые, но почему-то кажущиеся знакомыми методы плавки, слова Цинь Усиня и общее гнетущее чувство неправильности происходящего лишали его покоя.

Внутри крепло смутное предчувствие, но подтвердить его он пока не мог.

«Эх, был бы сейчас рядом Сяобай... — тоскливо подумал он. — Вдвоём всё-таки легче».

Когда тьма окончательно сгустилась над лагерем, Сяочжоу установил вокруг себя простой изолирующий барьер. Ткань этого плетения не требовала глубоких познаний в магии и была под силу любому практику — обычно её использовали как знак того, что хозяин занят и беспокоить его не следует.

Сяочжоу сел, скрестив ноги. Напряжение, державшее его тело в тисках весь день, наконец начало отпускать. Железный меч с негромким стуком выпал из онемевших пальцев на землю. Сяочжоу нагнулся, чтобы поднять его, и почувствовал, что рукоять, которую он сжимал столько часов, стала тёплой.

На лезвии запеклась кровь, к металлу прилипли ошмётки плоти монстров.

Сяочжоу невольно вспомнил свой прежний меч, Вопрошающий Сердце... тот клинок, что сопровождал его с самого детства, никогда не омывался в таком количестве грязи и крови.

Любого нормального человека после того, как он собственноручно оборвёт столько жизней, непременно вывернет наизнанку. Тем более Сяочжоу, который по природе своей питал отвращение к насилию. Как он сам когда-то говорил, даже если бы белокурый метил исключительно в него, он, скорее всего, просто лишил бы того сил, но сохранил жизнь.

Убийство никогда не приносило ему радости.

Вновь прокручивая в памяти картины прошедшего сражения, Сяочжоу ощутил подступившую к горлу тошноту. С трудом сглотнув, он отложил меч и достал зажатую в кулаке пилюлю восстановления духа. Он не спешил её глотать. Вместо этого он привычным движением — так, как делал тысячи раз в Долине Бренного Мира, — поднёс её к лицу, оценивая оттенок, вдыхая аромат и мысленно раскладывая рецепт на составляющие.

«Благовонная костянка, корень теневика, пропорция два к двум...»

Сяочжоу нахмурился. В составе снадобья обнаружились целых пять совершенно незнакомых ему ингредиентов. Смысл Бренного Мира, пусть и жил затворником, обладал невероятно глубокими знаниями в алхимии, которыми щедро делился со своим учеником. Если бы речь шла об одном или двух редких растениях, это ещё можно было бы списать на случайность, но целых пять незнакомых компонентов — это уже выходило за рамки разумного.

Тревога в груди разгоралась всё сильнее. Сяочжоу глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться, и всё же проглотил лекарство.

По телу разлилась мягкая волна духовной энергии. Ощущение было такое, словно его погрузили в тёплую воду: усталость бесследно испарилась, натянутые как струны нервы расслабились, а недавняя тревога растаяла без следа.

Поражённый эффективностью снадобья, Сяочжоу призвал Изумрудный котёл.

Артефакт завис в воздухе прямо перед ним. Мысли Сяочжоу невольно вернулись к Старому Лю и Люйло. Как они там? Не пострадал ли из-за него Смысл Бренного Мира? Люйло по-прежнему без сознания, но рядом с ним опытный и преданный Старый Лю, так что за них можно не переживать. А Ли Ханьсин находится под надёжной защитой Ли Го, чью истинную силу Сяочжоу уже успел оценить. За них тоже не стоило беспокоиться.

Отогнав лишние мысли, он принялся извлекать из пространственного кольца нужные травы и поочерёдно опускать их в котёл, сверяясь с рецептом, который только что восстановил в уме. Днём он долго наблюдал за работой местных мастеров и хорошо запомнил каждое движение. Однако пять недостающих ингредиентов путали все карты. Алхимия не терпит приблизительности: малейшая ошибка в температуре или пропорциях способна превратить целебный отвар в яд. Сяочжоу пришлось действовать наугад, заменяя неизвестные компоненты схожими по свойствам аналогами.

К тому же местные алхимики использовали в работе сложные приёмы плавки, о которых Смысл Бренного Мира никогда не упоминал. Например, они сочетали несколько видов пламени одновременно, а не полагались на один источник тепла.

Закончив плавку, Сяочжоу открыл котёл и извлёк получившиеся шарики. На их поверхности тускло мерцала хаотичная, переполненная примесями духовная энергия.

Попытка провалилась.

Впрочем, иного исхода он и не ожидал. Спрятав Изумрудный котёл, Сяочжоу снял защитный барьер и вышел из шатра.

Внутреннее смятение не позволяло ему ни медитировать, ни восстанавливать силы. Немного поколебавшись, он снова направился туда, где горели алхимические костры.